

образованныхъ и низшихъ классахъ? И дѣйствительно, романы Сю, Дюма, Сулье и т. п. съ жадностью читаются въ Парижѣ дворниками (portiers), преимущественно ихъ женами (portières), гризетками, лоретками и т. д., которые не читаютъ романовъ Жоржъ Занда, находя ихъ не интересными и скучными.

У насъ многіе негодуютъ на то, что такими романами преимущественно наполняются наши журналы, видя въ этомъ какой-то вредъ и для нравовъ, и для литературы. Подобное мнѣніе намъ всегда казалось несправедливымъ. «Тысяча и одна ночь», или арабскія сказки, не болѣе вредны для нравовъ. А что касается до искаженія вкуса и упадка литературы—это еще больше напрасное опасеніе. Есть люди, которые уже родятся съ такимъ вкусомъ, который только такими романами и можетъ удовлетворяться: не будь ихъ, они ничего не читали бы. А читать хотъ и вздоръ, лишь бы безвредный, все же лучше, нежели играть въ карты или сплетничать. Чтò же касается до людей низшихъ классовъ общества, эти романы для нихъ—истинное благодѣяніе. Соответственно съ ихъ образованіемъ, эти романы для нихъ—художественныя произведенія, способныя развить и возвысить, а не исказить и огрубить ихъ понятія. Конечно, у насъ не только дворники, но и швейки еще не читаютъ романовъ (образование послѣднихъ пока еще не хватаетъ дальше водеvilныхъ куплетовъ російскаго издѣлія); но сколько же у насъ людей, которые по образованію—тѣ же швейки, а по положенію имѣютъ и время, и способы къ чтенію? При томъ же, если чернь есть вездѣ, и въ высшихъ слояхъ общества, то и аристократія (природы) есть вездѣ, и въ низшихъ слояхъ общества. Иной переходитъ къ чтенію этихъ романовъ отъ «Бовы», «Еруслана» и «Георга Милорда Аглицкаго», а отъ этихъ романовъ—къ романамъ Вальтеръ-Скотта, Купера и ко всему, чтò иностранныя литературы и своя отечественная представляютъ лучшаго, и уже не возвращаются назадъ. А если бъ и не такъ—чтò нужды, лишь бы читали!

Но если эти романы ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть вредны, напротивъ, во многихъ отношеніяхъ полезны, — изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ ихъ авторы заслуживали уваженіе или благодарность. Они тѣмъ не менѣе все таки торгаши, фигляры, гаеры, потѣшающіе за деньги толпу, безъ всякаго уваженія къ самимъ себѣ. Они трудятся не для литературы, не для искусства, не для общества, а только для своихъ жетейскихъ выгодъ. За чтò жъ ихъ уважать и благодарить? Воля пасется на полѣ и, оставляя на немъ слѣды своего присутствія, спо-

собствуетъ его большему плодородію на будущее лѣто, но кто за это поклонится ему?..

Грустнѣе всего, что къ этой шайкѣ сказочныхъ потѣшниковъ добровольно примкнулся писатель съ несомнѣннымъ и большимъ дарованіемъ. Мы говоримъ о знаменитомъ Эженѣ Сю. Въ его «Парижскихъ Тайнахъ» столько любви къ человѣчеству, благородныхъ инстинктовъ, столько страсти, запечатлѣнныхъ признаками высокаго таланта! И между тѣмъ весь романъ основанъ на мелодрамѣ, столько неестественныхъ лицъ, особенно между отличающимися по части добродѣтели! Герой романа—лицо сказочное, невозможное; героиня—и приторна, и неестественна; поэтому эпилогъ, какъ неизбежное слѣдствіе ложной причины, бросается въ глаза своей пошлостью, приторной сентиментальностью, лицемерствомъ чувства, скукой, неестественностью, надутостью и фразерствомъ. Въ «Вѣчномъ Жидѣ» мѣстами поражаютъ читателя тѣ же яркія достоинства, какими блистаютъ «Парижскія Тайны»; но недостатки уже во сто разъ поразительнѣе, нежели въ послѣднемъ романѣ. Важность іезуитовъ, сила ихъ вліянія мелодраматически преувеличена; это еще куда бы ни шло, по крайней мѣрѣ цѣль автора была хороша и похвальна; но къ чему припелъ онъ эту легенду о жидѣ и жидовкѣ? И что онъ ею сдѣлалъ?—насмѣшилъ всѣхъ, потому что впалъ черезъ нее не только въ неестественность разсказа, но еще и въ риторическую надутость изложенія. А это чудовищно-огромное наслѣдство, въ 200 милліоновъ, охраняемое нѣсколькими поколѣніями одной и той же жидовской фамиліи? А приторные близнецы-сестры, Роза и Бланка, а страшный успѣхъ всѣхъ продѣлокъ Розана и мелодраматическая смерть всѣхъ добродѣтельныхъ лицъ романа? Но всего и не перечесть! Зачѣмъ же это «все» замѣшалось въ произведеніе необыкновенно-даровитаго писателя? За тѣмъ, что нужно время и время для того, чтобы писать хорошо и обходиться безъ нелѣпостей, натяжекъ и эффектовъ, чтобы обдумывать свое произведеніе прежде, нежели оно написано, и потомъ обдѣлывать, исправлять, а мѣстами и вовсе передѣлывать все написанное сгоряча, неловкое, неровное, несообразное съ цѣлымъ. А времени-то и нѣтъ у Сю: онъ контрактомъ обязался по-ставлять по цѣлому тому къ такому-то сроку. Написавши главу перваго тома, онъ сейчасъ же отсылаетъ ее въ типографію журнала, и такимъ образомъ первая глава перваго тома должна оставаться неизмѣняемой, хотя авторъ хорошенько не знаетъ, чтò онъ будетъ писать во второмъ томѣ, а всѣхъ томовъ-то десять!.. Итакъ, если въ первой главѣ онъ допустилъ, можетъ быть, и по необхо-